ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 02.05.2023 | Николай Капитоненко

Почему стоит готовиться к длительной российско-украинской войне

Война в Украине стала частью более широкого конфликта интересов великих держав. Обострение этого противостояния может быть длительным.

Планируя вторжение в Украину, российское руководство ошиблось, рассчитывая на быструю спецоперацию. Современные войны, как правило, длятся долго; государства в XXI веке трудно уничтожить; а слабые стороны асимметричных конфликтов имеют не такие уж плохие шансы достичь по крайней мере ничейного результата.

Однако сценарий быстрой победы следует считать маловероятным и для Украины также, особенно с учетом того, что даже выход на международно признанные границы Украины вовсе не обязательно будет означать завершение войны. За время полномасштабной войны узел этого конфликта стал заметно сложнее. Теперь в нем речь идет не только о российско-украинских противоречиях, но и о перспективах великих государств и будущем международного порядка. Действительно, сильные стороны довольно часто проигрывали войны более слабым, но победа слабых в асимметричном конфликте не так часто выглядела как быстрый happy end.

Есть несколько причин, по которым эта война уже длится долго и, вероятно, будет продолжаться еще дольше.

Во-первых, конфликт не имеет зоны возможного компромисса, а каждая из сторон уверена, что продолжение войны является лучшей опцией, чем переговоры. С точки зрения теории, такие конфликты считаются «недозрелыми»: в субъективном восприятии сторон цена продолжения войны остается ниже, чем цена любых компромиссных решений. Обеим сторонам кажется, что возможности для решающей победы на поле боя еще не исчерпаны. Здесь задействовано все: критически высокое взаимное недоверие сторон, печальный

исторический опыт, построение сценариев на худших ожиданиях, заполнение любых пробелов в информации наиболее пессимистическими предположениями. В результате даже война, которая теоретически могла бы сближать позиции через навязывание высокой цены, не способствует созданию зоны возможного компромисса – базовой предпосылки для разрешения конфликтов. Из-за «недозрелости» конфликта усилия посредников пока тоже не имеют смысла.

Во-вторых, уже во время войны стороны значительно повысили для себя политическую цену любых уступок. Россия внесла изменения в конституцию, включив четыре частично оккупированные области Украины в список своих субъектов. Украинское руководство увеличило ставки во время войны и сейчас считает неприемлемым любой результат, который не предусматривает возвращения контроля над всеми украинскими территориями, правовой ответственности российских чиновников и возмещения убытков со стороны России. При этом критерии победы остаются, как в Украине, так и в России, довольно размытыми и могут легко двигаться под влиянием эмоциональных событий войны в сторону дальнейшей радикализации – например, в Украине многие будут считать победой только распад и/или ядерное разоружение России.

Политическое удорожание уступок ведет к консолидации текущих позиций, маргинализации любых намеков на поиск компромиссов и постепенной структуризации конфликта – это когда война становится привычным повседневным явлением, общество учится жить в таких условиях и фактически создает новую систему политических, моральных и ценностных координат, в рамках которой разговоры о частичном решении, ограничении или замораживании конфликта без полной победы будут стоить политикам как минимум карьеры.

Если измерять силу способностью завершать конфликтные ситуации в свою пользу, то пока война свидетельствует о слабости и России, и ЕС, и США

В-третьих, эта война показала транзитный режим международной системы безопасности и неоднозначность оценок баланса сил. Стало очевидно, что Россия значительно переоценила свои возможности и вряд ли может всерьез претендовать на статус великой державы в современном мире. Но и Запад оказался не в состоянии достичь желаемого для себя результата: войну не удалось предотвратить, а также не удалось остановить – несмотря на все дипломатическое, санкционное и

политическое давление на Россию. Если измерять силу способностью завершать конфликтные ситуации в свою пользу, то пока война свидетельствует о слабости и России, и ЕС, и США.

В условиях, когда завершить войну невозможно, заинтересованные стороны (а их круг становится все шире, превращая российско-украинскую войну в действительно глобальный кризис международной безопасности), как и общества Украины и России, будут привыкать к ее реалиям и пытаться управлять ею: минимизировать риски и получать преимущества там, где это возможно. Стратегия поддержки Украины через поставки оружия и финансовой помощи вместо гарантий безопасности и, тем более, прямого участия в войне является примером такого управления. Поскольку США, Китай, ЕС и крупнейшие его страны-члены по-разному оценивают нюансы и угрозы этой войны для себя, будут возникать конкурентные подходы и политики. Война приобретает глобальное измерение, в котором речь идет о будущем международного порядка.

Если мы имеем дело с настоящим транзитом гегемонии, то этот период будет скорее характеризоваться все большей дестабилизацией, чем разрешением уже имеющихся конфликтов

Под борьбой за будущее международного порядка подразумевается то, что война не только демонстрирует настоящий баланс сил и меняет его, но и определит дальнейшую версию «правил игры». Возможно, российско-украинская война стала одним звеном из цепи конфликтов, которые будут сопровождать глобальное перетекание силы, спровоцированное ослаблением американского лидерства и подъемом Китая. Об этих тенденциях речь идет уже довольно давно, но только в последние годы Китай заметно сократил отставание от США в основных силовых ресурсах, начал выстраивать глобальную сеть альянсов и сформировал идейные основы для собственного проекта мироустройства. С этой точки зрения российско-украинская война уже стала частью гораздо более широкого конфликта, в котором на карту поставлены интересы большинства крупных государств. Это означает, что и завершение этой войны возможно только в контексте более широких договоренностей, которые

могли бы эти интересы сбалансировать. Если мы имеем дело с настоящим транзитом гегемонии, то этот период будет скорее характеризоваться все большей дестабилизацией, чем разрешением уже имеющихся конфликтов. Судьба и результат российско-украинской войны могут попасть в зависимость от хода других конфликтов или от решений относительно будущей архитектуры международной безопасности, которые будут приниматься в столицах сильнейших государств.

Все это создает совсем другую перспективу, чем оптимистические надежды на близкое завершение войны, наказание преступников и быстрое восстановление Украины под защитой членства в НАТО или прямых гарантий безопасности от отдельных стран Запада. Зато период транзита международной безопасности и обострения противостояния на глобальном уровне может быть довольно длительным. В условиях высокой цены современной войны противостояние и конкуренция будут принимать разные формы и продолжаться в разных сферах. США, Китай и ЕС находятся в сложных отношениях взаимной зависимости и соперничества, нуждаясь друг в друге, но и стремясь так управлять этой взаимозависимостью, чтобы получать больше других. Для них российско-украинская война может стать точкой проектирования силовых возможностей, от которой трудно будет отказаться или отдать конкурентам. Это тоже может играть в пользу продолжения войны.

Будущее международной безопасности определяется сейчас, но ни Украина, ни Россия уже не контролируют в полной мере ход событий в войне между собой

Если же мир стремительно движется к новой версии биполярности, где друг другу будут противостоять Запад и не-Запад, Глобальный Север и Глобальный Юг, автократии и демократии, или просто США и Китай, то линии раздела будут более жесткими, а геополитическая составляющая соперничества станет определяющей. При таком развитии событий возрастает вероятность реализации на территории Украины новейшей версии «корейского» или «немецкого» сценария времен холодной войны. Будущее международной безопасности определяется сейчас, но ни Украина, ни Россия уже не контролируют в

полной мере ход событий в войне между собой.

В этих сложных условиях для Европы критически важно сформировать собственное видение системы безопасности и правильно определить свои стратегические интересы. Никогда ранее опасность потерять глобальное влияние не была для Европейского союза столь реальной. Уроки, быстро извлеченные из российского вторжения, вероятно, позволят ЕС нарастить свои силовые возможности в новую эру нестабильности, но этого будет мало. Нужно будет сформировать консолидированный ответ на вызов, который представляет для Европы обострение соперничества между США и Китаем; сформулировать долгосрочную политику в отношении Пекина, частью которой станет позиция и интересы ЕС относительно российско-украинской войны; просчитать риски и определить цену безопасности, которую придется платить в условиях продолжения этой войны в течение неопределенного времени; наконец, найти оптимальный формат построения отношений и распределения рисков безопасности с самой Украиной.

Николай Капитоненко
Киев

Кандидат политических наук Николай Капитоненко (Nickolay Kapitonenko) - доцент Института международных отношений Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, директор Центра исследований международных отношений. Член Общественного совета при Комитете по международным отношениям Верховной рады Украины. Редактор журнала *UA: Ukraine Analytica*, автор более 70 научных статей. Основная сфера интересов – международные конфликты и внешняя политика Украины.